

Юлия Жукова

ЗАМУЖ С ОСЛОЖНЕНИЯМИ
САМИ МЫ НЕ МЕСТНЫЕ
В СЕМЬЕ НЕ БЕЗ ПОДВОХА

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Юлия Жукова

В семье не без подвоха

Фантастика • Любовный роман • Юмор

Роман

Москва, 2014

«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ж85

Серия основана в 2011 году
Выпуск 146

Художник
А. Клепаков

Жукова Ю. Б.

Ж85 В семье не без подвоха: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 377 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-1888-6

Вместе с любимым человеком, к счастью или к несчастью, неизбежно обретаешь его семью. Удачное это приобретение или нет, покажет время, а пока с ним надо считаться и выстраивать отношения. Даже если твой муж — Император, а в гости частенько навешиваются боги и демоны, никто не отменял притирок и сложностей совместной жизни. Особенно когда оказываешься матерью не одному маленькому принцу...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Жукова Ю. Б., 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

ISBN 978-5-9922-1888-6

ГЛАВА 1

Когда Азамат рассказал мне, что названия месяцев на Муданге происходят от архаичных имен разных богов и каждый месяц посвящен своему богу, мне не потребовалось ни заглядывать в календарь, ни обращаться к Старейшинам, чтобы предсказать, что рожать я буду на стыке месяца Укун-Тингир и месяца Ирлик-хона. Сезоны на Муданге неравной длины: весной и осенью по пять месяцев, а летом и зимой по шесть, только зимой еще несколько дней съедаются, потому что год составляет немножко меньше двадцати двух месяцев. Ну, или потому, что бог стужи, на которого приходится третий месяц зимы, — карлик. Тут уж кому какое объяснение ближе. Укун-Тингир посвящен пятый месяц лета, потому что это самое урожайное время в северном полушарии, в котором лежит большая часть муданжского континента. Конечно, раз лето такое длинное, в принципе растительность приносит по несколько урожаев в сезон, но все же месяц Укун-Тингир — это пик изобилия. Ну, а Ирликом, понятное дело, все заканчивается, потому что он ведь крадет солнце. Равноденствие выпадает приблизительно на последний день лета, и после этого дни становятся короче ночей, к тому же весь месяц муданжские луны проскальзывают по небу еще до заката, а ночью воцаряется беспросветная тьма. В этот месяц муданжские дети, собираясь в пустующих по ночам клубах, рассказывают страшилки, а молодежь развлекается гаданиями и прочей ворожбой, примерно как у нас на Святки. В это же время активизируется разнообразная нечисть, которая боялась показать нос, пока грозная Укун-Тингир приглядывала за планетой в свой месяц.

Вот и лежу я теперь в шезлонге на веранде с видом на искрящиеся в полуденном солнце воды Дола, слушаю, как Аза-

мат воркует над колыбелькой, и вроде как восстанавливаюсь после родов. Хотя и восстанавливаться-то особенно не приходится: все прошло без сучка без задоринки, даже понервничать не успела. Я долго думала, лететь ли мне на Гарнет, или довериться Ориве, которую я несколько месяцев прицельно учила принимать роды, но Азамат категорически заявил, что не доверит мою жизнь ни местным, ни гарнетским повитухам, и договорился с Земным Союзом о поставке партии врачей с целью обеспечивать медицинскую поддержку развивающемуся региону Вселенной. Честно говоря, я ужасно обрадовалась, и не столько даже тому, что буду в надежных руках (я-то Ориве вполне доверяю), сколько тому, что будет с кем поделиться пациентами. Последнее время ко мне стали выстраиваться такие очереди, что пришлось задрать цены вдесятеро, чтобы хоть как-то справляться с потоком страждущих. И тут же, конечно, включилась совесть и стала меня пилить, что помощь надо оказывать тем, кто в ней больше нуждается, а не тем, у кого больше денег, и все в таком духе. Удивительно, как внезапно слишком мало пациентов превратилось в слишком много. Короче говоря, когда Азамат сказал, что подписал визы пяти врачам, я даже немножко поплясала от радости, хотя уже было тяжеловато.

Набрать миссионеров оказалось довольно трудно. Во-первых, мало кто вообще хотел лететь за тридевять галактик на этот никому не нужный Муданг, даже ради очень больших денег. И то сказать, у всех семьи, друзья, и все привыкли, что с работы домой можно добраться максимум за несколько часов, да и то если очередь в туннель слишком длинная. А тут земными средствами передвижения три недели, муданжскими — полторы... С другой стороны, абы кого привозить тоже нельзя — окажутся жуликами какими-нибудь, обманут солидных людей, и вот он, международный скандал. Поэтому для всех желающих пришлось устроить серьезную проверку чуть ли не под микроскопом, и многие ее не прошли. Еще заметное количество порядочных людей сами сошли с дистанции, и, зная методы Земного Союза, я не могу их осуждать. В итоге остались четверо, и тут я вспомнила про Янку. Мы с ней переписывались все то время, что я осваивалась на Муданге, и я много чего ей понарасказывала о местных обычаях. Она, конечно, от муданжцев несколько пострадала, ее ведь тоже, как меня, пытались силком замуж выдать, но зато у нее

уже был опыт культурного контакта, хоть и негативный. К тому же она училась вместе со мной в космическом колледже и тоже ходила на муданжский язык, а это очень большой плюс, поскольку на Муданге совсем мало народу говорит на всеобщем. Так что я принялась Янку уговаривать. Ломалась она долго и крови всем попортила изрядно, но после того, как Азамат лично перед ней извинился за поведение своих сограждан и пообещал, что никто больше на ее свободу не покусится, она все-таки согласилась. И пока что об этом не жалеет. Вон она сидит на перилах, крутит рыжий локон и пожевывает полоску вяленой сурчатины, наслаждаясь видом на девственную муданжскую природу.

— Он опять заснул, — разочарованно сообщает Азамат.

Я усмехаюсь.

— А ты чего хочешь, чтобы он бегал на второй день?

— Нет конечно, — вздыхает Азамат, и по вздоху понятно, что именно этого он и хочет. — Просто никогда не видел таких маленьких детей...

Я закатываю глаза. Эту фразу за последние двое суток я слышу примерно двухсотый раз. А какого труда нам с Янкой стоило уговорить начинающего папу вообще взять ребенка на руки! Он же такой маленький-хрупкий, ах-ах-ах, да я не знаю, как его держать, а вдруг помну, а вдруг напугаю! Девчонки еще поначалу в другую комнату уходили поржать, а потом плюнули на приличия, все равно Азамат ни на что, кроме младенца, внимания не обращал. То ему стало казаться, что ребенок плачет, потому что его боится. Ребенок же задрых у него на руках, всем своим видом демонстрируя беспочвенность папиных страхов. Азамат некоторое время повосхищался, а потом стал переживать, что это малыш все время спит, а не заболел ли он? В общем, среди этого бардака я волновалась только о том, как бы от смеха кровотечение не началось.

— погоди, — успокаивает его Яна своим низким блюзовым голосом, — еще на стенку полезешь от его активности.

— Если он в меня пойдет, то да... — мечтательно соглашается Азамат. — Лиза, а ты в детстве активная была?

— Не-а. Я в основном молчала и улыбалась. Но он больше на тебя похож, посмотрим, может, и характером тоже.

Похож — это немного не то слово. Когда Янка мне впервые показала мое дитяtko, я почувствовала себя ксероксом. Разве что глазки голубые, так они могут со временем потемнеть.

А так просто микро-Азамат. То-то матушка порадуется. Конечно, подрастет, может, еще проявятся какие-нибудь мои черты, но пока вообще ничего общего, даже немного обидно: в конце концов, это я его носила. С другой стороны, теперь уж точно ни у кого язык не повернется предположить, что Азамат ему не отец. А то я уже наслушалась сплетен и обвинений.

— Слушай, Азамат, а нельзя парочку Старейшин сюда выписать на именование? А то уж очень не хочется в столицу переться.

— Ты плохо себя чувствуешь? — тут же настораживается он.

— Да нормально я себя чувствую, просто как представлю, что надо собрать вещи, засунуться в тесный унгуц, потом еще в Ахмадхоте жара, духота, машины, прокисшими фруктами везде пахнет... Может, не будем мучить ребенка?

Азамат качает головой.

— Будущего Императора обязательно должен именовать весь столичный Совет, это ж тебе не сын кожемяки из какой-нибудь островной деревни. А все Старейшины даже по твоей прихоти сюда не полетят, тем более что столичным жителям ведь интересно на наследника посмотреть, убедиться, что он здоровый и красивый. Так что лететь надо, никуда не денешься. В принципе, если ты не хочешь, то можешь остаться, твое присутствие не обязательно.

— Ну, ага, конечно! Мало того что имя моему ребенку будут придумывать какие-то чужие дядьки, так еще чтобы я не присутствовала? Нет уж. Надо хотя бы проследить, чтобы на моем родном языке это имя нормально звучало, а то знаю я вас, назовете каким-нибудь Хунь-Кирдыком, и что я маме скажу?!

— А что не так с этим именем? — удивляется Азамат. — Я знал одного хорошего человека...

Продолжение тонет в нашем с Янкой дружном хохоте.

— Ну ладно, ладно, — успокаивает нас Азамат. — Я написал Старейшине Ажгдийдимидину, объяснил, что у вас на Земле совсем другая традиция с именами, и он пообещал, что Совет посчитается с твоим мнением.

В столицу мы выбираемся на следующий день всей компанией. Янка там вообще-то работает вместе с Оривой, которую я отдала ей во временное пользование, пока я в декрете, так сказать. Коллеги-земляне по-прежнему побаиваются пересе-

ляться в другие города и толкуются в столице, где немного повыше процент говорящих на всеобщем. Старейшина Унгуц и еще двое книжников по возможности интенсивно учат их мунданжскому, но все равно они еще долго не смогут свободно общаться с пациентами без переводчика, а пациенты совершенно не жаждут посвящать этих переводчиков в свои проблемы. Янка, конечно, тоже не ахти как разговаривает, примерно как я в начале всей этой эпопеи, но ее пациенты часто и сами говорить не умеют, она же педиатр.

Азамат сажает нас прямо перед Домом Старейшин, вынимает меня из кабины и аккуратно ставит на крыльцо, косясь на Янку. Все никак не поверит, что меня уже можно размещать в пространстве вертикально. На площади почти никого нет, только несколько ребят сидят на перилах над рекой, да еще мимо проходят какие-то люди. Мы заходим внутрь.

В Доме Старейшин, как всегда, жарко, душно и пахнет благовониями, отчего мелкий на руках у Янки тут же начинает хныкать. Я не успеваю даже обернуться, как Азамат его уже перехватил и принялся укачивать, одновременно командуя прислужнику открыть окна.

— Старейшины этого не любят, — хмурится прислужник.

— Плачущих детей они любят еще меньше, — веско отвечает Азамат.

Янка выходит подождать нас снаружи в теньке, а нас приглашают в Сердце Дома, то бишь зал, где заседает Совет. Гляди-ка, и правда, все восемнадцать собрались. Унгуц нам радостно подмигивает, Ажгдийдимидин кивает, мы киваем обоим в ответ. Прислужник и тут открывает два окна и занавешивает их тяжелыми гобеленами, чтобы никто с улицы не подсмотрел за таинством.

— Тэк-с, — начинает Старейшина Асундул и прокашливается, глядя в какой-то листок. — Что у нас дальше... Именование наследника.

Можно подумать, они сегодня прямо с утра всем составом заседают и уже забыли, ради чего! Хотя, наверное, это что-то обрядовое, чтобы нечисти голову заморочить, сделать вид, будто дело не важное. Ох и набралась же я тут суеверий!

— Азамат Байч-Харах, значит... — продолжает бубнить Старейшина Асундул. — Урик, ты списки предков составил?

Прислужник кивает и принимается раздавать всем Старейшинам листки с огромным списком имен, насколько я могу видеть, исключительно мужских.

— А что, имена предков как-то влияют?.. — спрашиваю у Азамата шепотом.

Он прищуривается.

— Скорее помогают выбрать.

Прислужник Урик, закончив со списками, прикатывает большой прозрачный экран, из тех, которые с одной стороны картинку показывают, а с другой выглядят как тонированное стекло, и ставит его между Старейшинами и нами. Ага, то есть нам туда смотреть не предлагается. Старейшина Асундул, прищурившись, начинает что-то двигать на экране пальцем.

— Так, ну, глухие я сразу убираю? — уточняет он, оглядывая Совет.

Все согласно гудят. Азамат тихонько выдыхает. Тоже ведь переживал, а вдруг мальчику не судьба править, вдруг глухое имя дадут. Можно подумать, Старейшинам очень надо следующего Императора заново выбирать. Они только расслабились, что можно часть обязательств на кого-то свалить...

Кстати об обязательствах. Азамат теперь крутится как белка в колесе, конечно. Каждый десятый день у него судебный — разбирает тяжбы. В остальное время он пытается оживить институт полиции, который благополучно загнулся за двести лет, и ведет постоянные переговоры с другими планетами, к счастью, в основном по Сети, хотя пару раз уже выезжал на какие-то станции. Еще он надеется к зиме обновить дороги, чтобы обеспечить торговое сообщение между экватором и севером, а еще пришлось создать регулярную армию, джингоши-то не спят. Опять же надо что-то делать с джингошскими платиновыми карьерами, пока свои же до центра планеты все не растащили, а в перспективе хорошо бы вступить в экономический союз с Землей, Ареем и Тамлем, а они требуют устойчивого природопользования... В общем, я бы уже давно слегла, а Азамат ничего, вертится. Старейшины, правда, сильно помогают, да и бывшие соратники тут же получили посты с полномочиями. Вот уж что Азамат хорошо умеет делать, так это организовать осмысленную деятельность. Так что в итоге он даже время от времени может себе позволить выходные, вот, например, чтобы посидеть под дверью, пока я рожаю, и от души понервничать.

— Да-альше, — тянет Старейшина Асундул. — Ну, тут в списке все на «А», это менять не будем? Хорошо-о... Так, занятые от-клю-ча-ем... Ну вот, ребят, смотрите, что есть.

Старейшины вытягивают шеи, прищуриваются, кое-кто достает очки. Шевелят губами, бормочут, переспрашивают друг друга. Один Ажгдийдимидин глядит в пространство, как будто происходящее его вообще не касается.

Унгуц отрывается от созерцания экрана:

— Ну, это все хорошо, но давайте на ребеночка-то посмотрим!

— Да, да, точно, — гудят остальные, как будто только что вспомнили об этой немаловажной детали. Азамат встает и, неся мелкого на вытянутых руках перед собой, предъявляет его всем Старейшинам по очереди.

— Ой ты какой хороший! — не удерживается Унгуц. Асундул на него цыкает, но сам тоже улыбается в бороду.

— Здоровый? — уточняет Изинботор.

Азамат кивает.

Ажгдийдимидин смотрит на ребенка таким взглядом, как будто вспомнил что-то веселое, но ничего не пишет и не показывает. Я считаю, это хороший признак. Наконец все обнесены, и Азамат возвращается ко мне.

— Совет предлагает вам удалиться и подождать решения, — будничным тоном сообщает Старейшина Асундул.

Мы выходим в ту самую комнату, где сидели в ожидании приговора по свадьбе. Там сейчас почти прохладно, потому что ветер с реки продувает через два окна.

— Ты как? — спрашивает Азамат, пододвигая мне подушку для сидения.

— У меня, как всегда, начинает болеть голова от благовоений. Тебе не показалось, что наш духовник как-то уж очень безразличен к происходящему?

Азамат пожимает плечами.

— Я думаю, он уже знает, как малыша назовут, так что ему должно быть скучно. Ты заметила, как он на него смотрел? Что-то хорошее у него в судьбе увидел, не иначе...

Минут через десять Урик приглашает нас обратно. Старейшина Асундул держит в вытянутой руке очередной листочек. Надо будет ему дальнорезкие линзы поставить.

— Совет Старейшин в составе по старшинству: Унгуц, Асундул, Удолын, Агылновч... — он продолжает перечислять

всех присутствующих, но у меня по-прежнему муданжские имена в голове плохо держатся, — Ажгдийдимидин и Изинботор по поводу имени сына Азамата Байч-Хараха решение принял. Имя то — Арамат.

Вот я так и знала, что налажают!

— Я против, — говорю с тяжелым вздохом. Я так надеялась обойтись без драки... Еще и живот заныл вдобавок. Азамат смотрит на меня с сочувствием.

— Как это против? — моргает Асундул. — Это решение Совета!

— А так — против, — тоскливо поясняю я. — Был уговор, что если на моем языке имя звучит нелепо, то вы это примете в расчет, правда же?

Старейшина Асундул явно собирается возмутиться, но наш духовник быстро вкладывает ему в ладонь бумажку. Асундул некоторое время щурится, читая мелкий почерк коллеги.

— Ну ладно, — говорит он наконец растерянно. — Уговор был, не спорю. Но почему же нам знать, какое имя как на твоём языке звучит?

Я только собираюсь картинно развести руками, дескать, это вам виднее, дорогие мудрецы, когда меня перебивает один из самых древних дедов, кажется, Агылновч.

— Да она свои варианты сначала предложит пусть!

— Правильно, правильно! — соглашаются все.

— Ладно, гхм, Элизабет, — кивает Старейшина Асундул. — Как бы ты этого ребенка назвать хотела?

— Ну-у, например, Олег, — предлагаю, несколько растерявшись. Поскольку Азамат почти сразу поставил меня перед фактом, что называть ребенка будут Старейшины, то я как-то и не думала на эту тему.

— Хм. — Старейшина Асундул почесывает бороду и обводит окружающих взглядом.

Окружающие тоже почесывают бороды, у кого они есть. Азамат приподнимает брови, потом улыбается мне и снова оборачивается к ребенку. Не иначе примеряет.

— По-моему, неплохо, — осторожно говорит Унгуц.

— Да тебе все нравится, что она предлагает, — усмехается его сосед.

— Ладно тебе, правда ведь, имя хорошее, — укоряет его Агылновч. — А что оно значит-то по-вашему, молодушка?

— Э... — Я лихорадочно припоминаю хоть одну дурацкую рекламу типа «Хочешь узнать тайну своего имени? Пришли сообщение!» — там обычно в качестве завлекалки приводят примеры... — Ну-у, мне трудно перевести-и, — тяну время изо всех сил. — Ну, там про благословение... и свет... примерно так... Так звали одного из наших первых князей! — выпаливаю я наконец-то подвернувшийся довод. Правда, историю я помню плохо, и что это был за князь, не имею ни малейшего представления. Да и само слово «князь» на мударжском имеет только одно значение — принц, то есть наследник трона, но не правитель. Не говоря уж о том, что я спокойненько обобщила свою страну до всей Земли... Ну да ладно.

— О-о, неплохо, — кивает Асундул. — И не занято. Ну что, как думаете, подходит имя?

Все согласно кивают, кто с бóльшим, кто с меньшим энтузиазмом.

— Ну хорошо. В таком случае, Совет в составе по старшинству: Унгуц, Асундул, Удолын... — весь список звучит заново, — Ажгдийдимидин, Изинботор и жена Императора Элизабет по поводу имени сына Азамата Байч-Хараха решение принял. Имя то — Алэк.

Молчу-молчу. Меня все устраивает.

Азамат снова встает и подносит спящего, кхм, Алэка Ажгдийдимидину. Тот извлекает из-за пазухи дила духовнический жезл, несколько раз взмахивает им над ребенком, отчего по залу распространяется приторный запах очередного благоговения, что-то нашептывает и кивает Азамату. Тот кивает в ответ, я тоже киваю, остальные Старейшины кивают, и мы выходим на крыльцо.

Мама дорогая, сколько же снаружи народу! Кажется, вся столица пришла посмотреть на нашего первенца. Впрочем, я не удивлюсь, если так оно и есть.

— Князь именован! — вопит кто-то из толпы.

— Князь именован!! — вторят ему еще несколько голосов. Кто-то принимается играть на дудке, ближайшие граждане тянут шеи, чтобы рассмотреть своего будущего Императора.

Азамат осторожно перехватывает мелкого поудобнее и поднимает над головой, чтобы все видели. Люди хлопают в ладоши, свистят и кричат «Танн!». Азамат светится счастьем, а я стараюсь благосклонно улыбаться, хотя не отказалась бы прилечь. Наконец к нам пробивается Тирбиш и сообщает, что

у него прямо за домом припаркована машина и в ней уже сидят Яна с Оливой. Пока мы пробиваемся туда сквозь толпу, на меня сыплются подарки — одежда, украшения, бормол, редкие пряности, гобелены, пеленки, конвертики, башмачки, ползунки... К счастью, Тирбиш прихватил Большой Мешок и складывает туда все это барахло, а мне остается только благодарить.

— Куда вас отвезти? — спрашивает он, садясь за руль.

— Давай в «Лесного демона», — говорю. — Там в это время обычно нет никого.

Можно было бы, конечно, домой, но там-то как раз полон дом народу. На месте сгоревшего Азаматова коттеджика столичные активисты за неделю отгрохали целый офисный центр, мы даже воспротивиться не успели. Поскольку нам для жизни так много места не требуется, а вот новой Императорской Канцелярии нужно какое-то помещение, то Азамат решил просто разместить ее в своем доме, раз уж он теперь на семейное гнездышко не похож. Там, конечно, есть жилая часть со спальнями, кухней и куском сада, на который не выходят окна офисов, но все равно довольно неуютно.

В «Лесном демоне» я блаженно растягиваюсь на подушках, наблюдая, как Азамат с Тирбишем воркуют над ребенком, теперь вдвоем.

— Очуметь, — бормочет Янка. — За все время, что практикую, таких трепетных мужиков не встречала.

— Это Муданг, детка, — хихикаю я.

Азамат что-то заказал, но я пока есть не хочу. Зато хозяин заведения, принеся заказ, никуда не уходит, а тоже присаживается поворковать, поздравить Императора и меня с чудесным отпрыском и пожелать удачи и красоты.

Пока происходит обмен любезностями, в трактир входят Эцаган и Алтонгирел, который несколько дней назад временно вернулся с Гарнета специально, чтобы посмотреть на мелкого, когда он родится. Эцаган с ним теперь не летает, потому что Азамат его назначил кем-то вроде шефа полиции. Я не очень разбираюсь в муданжской системе чинов.

— Ой, какой маленький! — с порога восклицает Эцаган. — А можно его подержать? Здравствуйте, Лиза, здравствуйте, капитан! Ну можно?

Я начинаю посмеиваться, отчего у меня снова болит живот. Янка только головой качает.

— Привет, — скалится Азамат. — Можно, наверное, только ост... О, Алтонгирел, привет!

Эцаган тут же усаживается по-турецки в торце нашего столика и укладывает мелкого на свои скрещенные ноги.

— Ой ты хоро-о-о-оший какой, краси-и-ивый, да как похож на па-апу, ой, а глазки какие голубые! Алтонгирел, смотри!

Алтонгирел, который обменивался приветствиями с Азаматом, тут же отвлекается и идет смотреть на глазки. Алэк начинает хныкать. Алтонгирел осторожно гладит его по голове, отчего хныканье вовсе не прекращается, а потом смотрит на меня с каким-то странным выражением.

— Ты это, Лиза, — он сглатывает, — будь хорошей матерью.

— Уж постараюсь, — хмыкаю я, принимая более-менее сидячее положение. — Давай-ка его сюда, он уже есть хочет, да и затискали вы его совсем.

Алтонгирел кивает, забирает мелкого у Эцагана и подносит мне. Я начинаю пристраивать его на подушку для кормления, как вдруг Алтонгирел снова нагибается и целует меня в макушку.

— Да благословят тебя боги, — говорит он в ответ на мой ошарашенный взгляд. Азамат и Эцаган со странными улыбками переглядываются.

Как следует меня эпатировав, Алтонгирел с неподобающей поспешностью покидает помещение.

— Что это с ним? — спрашиваю.

— У него вчера было какое-то видение, — лукаво ухмыляется Эцаган. — Он ничего не рассказывал, но, наверное, это было про вас.

Я поджимаю губы.

— Что еще он мог про меня такого увидеть? Мне кажется, уже вся моя жизнь по пророчествам так расписана, что можно ежедневник не вести. Последние месяца два только ленивый не пытается предугадать, что я сделаю завтра. Тут вон на днях Азамату жаловалась: какой-то духовник-недоучка предсказал долхотским горожанкам, что после родов я стану носить шпильки по десять сантиметров, так они, бедные, накупили этого добра и теперь мучаются, по улицам в них ходят. А в Долхоте, помнишь, какие улицы? Это ж один сплошной глинистый буерак, а не город!

Эцаган хохочет, а Азамат вздыхает.

— Надо с городскими дорогами что-то делать, это никуда не годится. В Ахмадхоте-то не лучше. Но Алтонгирела ты зря в один ряд с такими записываешь. Уж если он что предсказывает, то это точно от богов идет. Он потому и взбудораженный такой, что контакты с богами для людей непросто проходят.

— Ну, не знаю, — пожимаю плечами. — Для меня просто...

Мужики снова переглядываются и смеются.

— Это вам сейчас так кажется, Хотон-хон, — хихикает Тирбиш. — Вы просто тогда себя со стороны не видели.

Я открываю рот, чтобы возразить, но тут в таверну снова впадает Алтоша, только уже не один, а с «нашими» Старейшинами — Унгуцем и Ажгдийдимидином. И тоже застывает с раскрытым ртом, вытаращась на меня. Так и смотрим друг на друга, как на приеме у дантиста.

— Ну чего ты, Алтон-хян? — Унгуц похлопывает его по плечу. — Кормящей женщины не видел никогда?

Алтонгирел стремительно краснеет, это видно даже в неярком свете таверны.

— Ну-у, как бы... — с трудом выдавливает он. — А обязательно делать это у всех на виду?

— А что мне, всех выгонять, что ли? — удивляюсь я. Вот еще тоже блюстителю приличий на мою голову. Старейшины, которые усаживаются за нашим столиком, посмеиваются.

— М-мне казалось, обычно женщины уходят для этого в другую комнату, — осторожно намекает Алтоша. Все-таки что-то изменилось в его отношении ко мне. Еще весной так бы и сказал прямым текстом: «Пошла вон!»

— Не нравится, не смотри, — фыркаю я.

Алтонгирел вопросительно косится на Азамата, дескать, как же ты такое позволяешь? Азамат смотрит на него исподлобья.

— Ты же не думаешь, что я должен Лизу выставлять из-за стола на время кормления? Она, между прочим, еще не совсем здорова...

— Не думаю, — быстро отвечает Алтонгирел и садится в дальний угол так, чтобы не видеть меня из-за Тирбиша. Ребенок помахивает ему вслед кулачком; выглядит довольно угрожающе.

— Алэк, значит. — Унгуц подвигается поближе и принимается рассматривать мелкого.

— А что это имя значит по-муданжски? — спрашиваю. Имена из двух слов я обычно могу перевести, а такие короткие, насколько я знаю, очень старые и за века приобрели всякие сложные значения.

— Так назовут человека, который всегда добьется своего. Целеустремленного, — Унгуц ласково гладит мелкого по животу, — энергичного, удачливого...

Ажгдийдимидин дергает Унгуца за рукав, а потом стучит кулаком об пол, что у муданжцев соответствует нашему жесту погрозить пальцем.

— Да ладно тебе, — отмахивается Унгуц. — Я в прошлом месяце вообще благодать не раздавал, могу себе позволить!

Ажгдийдимидин прищуривает глаза и шкрябает на бумажке: «Копил?»

Унгуц поджимает губы.

Духовник продолжает писать: «Тут и без тебя хватит, расслабься».

— Можно подумать, ты сам не больше обычного выложил-ся, — ворчит Унгуц, но от меня отодвигается.

— Как... прошел обряд? — осторожно спрашивает Тирбиш, чтобы всех отвлечь. Остальные изо всех сил стараются не замечать диалог Старейшин. Простым людям не положено знать, что Старейшины могут быть неправы или не соглашаться друг с другом.

— Предсказуемо, — хмыкаю я. — Хотя мне показалось, в этот раз было как-то формальнее, чем на свадьбе. Тогда нам и Старейшин не перечисляли, и никакого «Совет решение принял»...

— Ну, ты сравнила! — усмехается Унгуц. — Именование — обычная процедура, давно обкатанная, там и думать особенно не надо. А свадьба — это же ответственное решение! Тем более, чего ждать от твоего ребенка, и без имени понятно. А вот чего ждать от тебя, никто из нас не знал. Даже твой духовник. Правда же, Ажги-хян?

Духовник хмурится, но не возражает.

— Вот-вот, — продолжает Унгуц. — У нас такого еще не было, чтобы пришлось решать судьбу человека, которого ни один Старейшина до тех пор в глаза не видал! А именование-то что, именование мы раз по десять в день проводим и обычно всего по трое-четверо для этого собираемся, а то, когда много народу, видно плохо. Впрочем, сегодня и так все

было ясно. Я как пришел на Совет, мне Агжи-хян р-раз записочку, мол, можно расслабиться, Лиза все равно сама имя выберет. Это Асундул вечно любит, чтобы все по уставу было. Кстати, что-то он в последнее время фамильярничать стал. При своих-то ничего, но с этими международными делами как бы не оконфузиться... Я понимаю, конечно, что он остальных Старейшин почти всех сам читать учил, но я-то его помню, еще когда он на лошади сидеть не умел!

Ажгдйидимидин жестом показывает мне перекатиться к нему поближе и вручает мне распечатанный листок. Видимо, подготовил речь заранее.

«По нашим традициям, — гласит листок, и я уже начинаю нервничать, — Хотон-хон положено иметь круг приближенных подруг из числа уважаемых горожанок. Пока ты была тяжелой князем, Совет решил тебя не беспокоить. Однако теперь настало время задуматься, кого ты хочешь видеть вокруг себя. Выбирай женщин надежных, опытных в обращении с детьми и в отведении сглаза».

— Э-э-э... — растерянно говорю я. — Да у меня тут всего-то подруг две с половиной, из них одна с Земли. Зачем мне какие-то женщины, когда у меня вон Тирбиш нянькой?

Духовник, не теряясь, протягивает мне еще одну распечатку.

«Приближенные подруги нужны, чтобы поддерживать тебя в грусти, развлекать в скуке, наставлять в сомнениях и покрывать в грехе. Женщине не всегда может помочь духовный наставник, поскольку пути мыслей мужчины и женщины различны. Не забывай также и о том, что столичные женщины об этой традиции знают, помнят и надеются войти в твой круг приближенных».

— То есть, проще говоря, вы опять хотите загнать меня в клуб, только теперь круглосуточно и на дому? — обреченно спрашиваю я.

«Тебе не обязательно с ними шить, — пишет Ажгдйидимидин на обороте листка. — И можешь сама их выбрать».

— Азама-а-а-ат, — хнычу я. — Мне опять велят общаться с местными тетками...

— Ну почему только с местными? — пожимает плечами Азамат. — Никто не будет против, если ты пригласишь в круг своих землячек. Все поймут, я думаю. А еще у тебя есть Задира и Орешница. Вот и круг.

— Так это чисто формально или мы как-то собираться должны?

— Формально, — успокаивает меня Унгуц. — Но видется ты должна хотя бы раз в месяц с каждой из женщин.

Ну ладно, раз в месяц, может, и выкроится часок. Не все так плохо, как я сначала подумала. Это не районный клуб, это мои нормальные знакомые, и много времени такой клуб не отнимет. Подзываю девиц и объясняю на двух языках, что мне (а точнее, Старейшинам) от них занудобилось.

Янка пожимает плечами: надо так надо.

Орива вытаращивает свои и без того немаленькие глаза:

— Вы правда хотите взять меня в круг? А мне разве можно? Я ведь не ахмадхотская...

— Живешь-то здесь, — отмахивается Унгуц. — А где родилась, кому какое дело.

Я киваю на Унгуца, мол, вот, слушай, что умные люди говорят.

— Но вы серьезно хотите меня взять? — снова уточняет Орива. — Я же не знатная никакая, даже не замужня, не говоря уж, что детей нет. Да и мы с вами не очень-то близки...

— Ну, дорогая, у меня не так уж много близких людей, — пожимаю плечами. — Не волнуйся, тебе не придется, э-э, как это там было? Наставлять меня в сомнении, во. Но если не хочешь, так и скажи, я не обижусь. Сама бы обошлась, да вот заставляют...

— Да вы что, для меня это честь! — заверяет меня Орива. — Сестрам напишу — вот обзавидуются! Ничо так! Приехала подзаработать, бац — и в кругу приближенных подруг Хотон-хон!

Я только головой качаю. Подумаешь, какая существенная разница! Ходить ко мне наряды шить — это нормально, а попасть в круг приближенных — уже честь. Никогда не угадаешь с этими муданжцами.

— Две — это мало, — напоминает о своем существовании Алтонгирел. — На первое время сойдет, но начинай присматриваться к горожанкам. Нужно хотя бы четыре-пять.

— А как я, интересно, могу выбрать надежных подруг из совершенно незнакомых женщин? — задаю я риторический вопрос. Вернее, я-то хотела задать очень даже конкретный практический вопрос, но духовники явно истолковали его как риторический. Проигнорировали то есть.

ГЛАВА 2

После условного празднования в «Лесном демоне» мы все-таки едем в новый Азаматов дворец, который у меня теперь язык не поворачивается обозначить как «домой». Азамат хочет поработать до вечера, раз уж он в столице, а потом можно будет снова смыться, заодно послать пилота за матушкой, пускай приедет посмотреть на мой дом и своего внука.

Стоит мне с комфортом расположиться на кровати, как в дверь моей местной спальни безапелляционно стучат.

— Открыто, — говорю.

Стук повторяется. Ладно, придется соскрестись с дивана и дочавкать до двери.

За дверью стоит мастер искусств, и у меня тут же заболевает голова.

Дело в том, что муданжцы супротив среднего землянина чудовищно суеверны. Я понимаю, конечно, что в отличие от нас у них это предписано государственной религией, но все равно можно было бы и поубавить. Вот, например, есть этот ужасный запрет на фотографии маленьких детей. То есть, как я выяснила, фотографировать в принципе можно, если уж очень приспичит. Но фотографии следует хорошенько спрятать, чтобы никто их не увидел, пока ребенок не подрастет. Лучше даже самой не смотреть. А то, дескать, чужие люди проклянут, или боги позавидуют, или еще сто двадцать восемь несчастий.

Примерно то же самое теперь и с нами. Мы с Азаматом можем снимать друг друга сколько влезет, но эти снимки положено беречь абсолютно ото всех глаз, в том числе нашего духовника, Старейшин, родителей... а лучше еще друг от друга. Я, правда, не очень-то слеую этому правилу: мама регулярно стрелбывает с меня свежие фотографии, чтобы поставить в электронную рамочку на каминной полке в своем новом доме. Да и Сашка повесил у себя над компом на работе суровый лик Азамата, а на вопросы коллег, зачем это, таинственно улыбается. К счастью, правило насчет фотографий — это именно суеверие, а не закон, и нарушение его никак не карается.

Однако подданным из дальних регионов, которые не имеют возможности приехать в столицу просто, чтобы поглазеть на нас, нужно каким-то образом нас показать. Кое-кто, конечно, успел обзавестись нашими изображениями до избрания,

но эти люди, будучи столь же суеверными, как и прочие, держат свои снимки в строжайшем секрете. Очевидное решение проблемы — рукописные портреты. На них суеверие не распространяется, потому что, дескать, нарисовать в точности все равно нельзя, а значит, воспользоваться таким изображением для сглаза не получится. Тем более что в таком портрете применяются всякие специальные приемы приукрашивания, которые гарантируют безопасность.

Мой портрет столичный мастер искусств написал месяц назад, незадолго до родов, с максимальным животом. Оказывается, жену Императора положено рисовать беременной, поскольку это вселяет надежду на спокойный век без существенных перемен, да и вообще по муданжским представлениям беременная женщина — самая красивая. Портрет мне, правда, не очень понравился. На себя я там совсем не похожа, поскольку мое лицо подогнали под муданжский канон красоты, только глаза и волосы перекрашивать не стали. Логика в этом некоторая есть: представление среднего муданжца о красивой женщине к моим чертам лица не имеет никакого отношения, это просто стереотип, что все земляне красивые. О том, как вообще выглядят европеиды, известно небольшой части образованных жителей крупных городов. А какой-нибудь деревенский голова, поглядев на портрет первой леди, может и не проникнуться и не оценить экзотической красоты. Мне-то что, а человек расстроится. Вот мастер искусств и постарался меня так нарисовать, чтобы всем было доступно.

Гораздо хуже дело обстоит с Азаматом. Прежде всего он первый в истории Муданга некрасивый Император. И скрывать этот факт поздно, потому что на второй день после избрания по планете уже поползли разнообразные жутковатые описания, в которых находилось место для клыков, бородавок и шакальей шерсти, не говоря уже о чешуе и прочих крыльях. Короче, в данный момент население Муданга в большинстве своем твердо верит, что Императором у них нынче какой-то полубог-полудемон со звериной мордой и страшный до одури. Азамат, понятно, не в восторге, но для него это не было неожиданностью. Однако имидж правителя — вещь серьезная, в прежние дни портрет Императора висел в каждом доме хотя бы потому, что Императорами обычно были исключительно красивые люди. Есть даже отдельные люби-

тели, коллекционирующие портреты Императоров разных эпох... Совет Старейшин устроил особое заседание по этому вопросу и пришел к решению, что рисовать Азамата надо. То, что он некрасивый, нарушает только одну традицию, а если не рисовать портрет, то нарушатся сразу две, а это уже слишком радикально для сознания среднего муданжца. Могут и возмутиться. Когда в теории вопрос с портретом был решен, немедленно возникла проблема на практике: ни один мастер искусств на всем Муданге никогда в жизни не рисовал ничего и никого некрасивого. И представления не имеет, как это делать. Старейшины собрали в столице всех самых выдающихся художников современности, и те несколько дней усердно ломали головы и кисти над проблемой, периодически требуя подать им объект спора и рассматривая его с разных сторон и расстояний. Это кончилось несколькими драками, но решение так и не было найдено. Азамат ходил злой, как три Алтонгирела, даже разок огрызнулся на кого-то в Канцелярии, отчего вся столица потом еще пару дней трепетала — Азамат уже успел зарекомендовать себя как исключительно добродушный и терпеливый человек.

После того как художников разняли и подлечили, кому-то из них пришла в голову светлая мысль попросить меня о помощи. Дескать, я же как-то терплю своего мужа, значит, наверное, знаю, как именно надо на него смотреть, чтобы было красиво. Я почесала в затылке и предложила им тупо нарисовать как есть, потому что Совет Старейшин пришел к решению, что надо *рисовать*, а не что надо рисовать *красиво*. Мне удивленно сообщили, что нарисовать некрасиво совершенно невозможно, ибо все искусство рисования заключается в том, чтобы сделать красиво. А для того, чтобы изобразить как есть, существует фотография. Я почесала в затылке второй раз, покопалась в Сети и продемонстрировала господам художникам подборочку старинных земных портретов всяких малоприятных граждан, дескать, вот, портреты, а некрасиво. Но мои доводы разбились в прах о несокрушимое представление муданжцев, что все земляне красивы, даже если у них по восемь подбородков, фиолетово-зеленый цвет лица и нет одного глаза. Я попыталась поискать портреты уродцев с других планет, но ничего убедительного не нашла. Тогда я предложила нарисовать Азамата в левый профиль, на котором шрамов почти нет, а что есть, то можно проигнорировать, списав на то

самое приукрашивание. Но мне категорически заявили, что портрет Императора пишется по канону, а именно анфас, в полный рост, на лошади и с мечом, и изменить канону — это такое же нарушение традиции, как не рисовать портрет вообще. В итоге, когда мастера искусств вновь потребовали Азамата на ковер для рассматривания под лупой, он отказался в довольно грубой форме и заявил, что у него все равно нет времени позировать, так что пусть рисуют без него, раз уж так подробно его изучили. Художники обиделись и разъехались, оставив столичных представителей профессии разбираться самостоятельно.

Так вот, стоит, значит, на пороге моей спальни мастер искусств, первый в столице, длинный, тощий старый хрен с условно одухотворенным лицом и жиденькой косичкой до колен. Он ко мне навевается всякий раз, как я бываю в столице, что в последнее время не очень часто, на мое счастье. Чего он хочет, я не понимаю. То есть понятно, что он надеется, что я как-нибудь решу проблему с портретом Азамата, каким-нибудь чудесным способом. То ли исцелю его, то ли богов попрошу... не знаю. От постоянных размышлений об этом несчастном портрете у меня даже появилась идея, но донести ее до мастера мне не удалось с пяти раз, так что я отчаялась.

— Здравствуйте, мастер, — уныло приветствую я. — Чем могу быть полезна?

— Здравствуйте, Хотон-хон. Да вот, зашел поинтересоваться, вы, случайно, с мужем не поговорили?

Собственно, последние несколько дней я почти исключительно этим и занималась между схватками и кормлениями.

— О чем я должна была с ним поговорить? — тоскливо протягиваю я, заранее зная ответ.

— Ну как, о портрете об этом. Уже лето на исходе, а все по-прежнему. Надо же что-то делать!

— Так делайте, раз надо, — говорю. — Я-то тут при чем? Моя забота вон в кровати спит.

— Да как же делать-то? Вот ведь в чем проблема! Еще, видите, он позировать отказывается...

В таком духе с ним можно разговаривать вечно. Это, кстати, еще одна причина, по которой я не хотела лететь в столицу на именованье, но Азамату я о художниках напоминать не стала, а то он и правда клыки отрастит.

Я с горечью понимаю, что придется предложить мастеру

сесть, потому что стоять я уже устала, а он не скоро уйдет, даже если я его грубо пошлю. Он принадлежит к категории счастливых людей с избирательным слухом. Но мне везет — дверь гостиной открывается и заходит какой-то еще человек, мне не знакомый.

— Мастер Овьяс! — окликает он с порога. — Где вы... ой!

Последнее явно относится ко мне, потому что вошедший молодой человек застывает посреди комнаты, уставившись на меня круглыми глазами.

— Куда ты вломился, болван! — неожиданно эмоционально рывкает на него мастер. — Здесь вообще-то императорские покои!

— П-простите, Х-хотон-хон... — мямлит несчастный парень, пятясь к выходу. Ну нет, он сейчас сбежит, а я останусь один на один с мастером? Нет, спасибо!

— Подождите. — Я милостиво улыбаюсь парнишке и машу рукой в сторону кресел в гостиной. — Присядьте, пожалуйста, и вы тоже, мастер, я сейчас.

Иду проверить, дрыхнет ли чадушко. Возвращаюсь в гостиную и закрываю за собой дверь.

— Я была бы вам очень признательна, мастер, — говорю сахарно, — если бы вы не кричали в присутствии спящего князя. А то, понимаете, мне придется отрывать мужа от управления планетой, чтобы его укачать...

Я, естественно, и сама прекрасно справлюсь, но муданжские мамы очень любят сделать вид, что дети их не слушаются, чтобы спихнуть все хлопоты на и без того перегруженных мужей. Мастер искусств сразу принимает виноватый вид и долго извиняется. Так-то тебе, старому зануде.

Я присаживаюсь напротив гостей.

— Я Элизабет, — сообщаю парнишке.

Мне последнее время доставляет массу удовольствия смотреть, как муданжцы теряются, когда я им представляюсь. По их убеждениям, мое имя должно храниться в строгом секрете, чтобы, не приведи боги, никто не напакостил, а уж если так необходимо кому-то мое имя сообщить, то делать это должен кто угодно, кроме меня, потому что в устах другого человека имя несет меньше силы... ну или какой-то подобный бред. Я-то вполне уверена, что, если кто-нибудь захочет мне подгадить, его успех или неудача будут связаны не с тем, как я свое имя скрываю, а с тем, как хорошо меня охраняют тело-

хранители и духовник. Зато в ответ на мое доверчивое представление рядовые муданжцы чувствуют острую необходимость выложить о себе всю подноготную, а потом еще хвастаются перед друзьями, что я им благоволю.

— Я Бэр, — после секундной ошарашенной паузы выпаливает юноша. — Подмастерье, учусь у мастера Овыаса. Я хороший ученик, родился под Долхотом, отец рыбак... Я зашел за мастером, потому что он задержался в Канцелярии, а надо уже семинар у первогодок начинать, а... простите, я не знал, что вы тут... Э-э...

— Ничего-ничего. — Я продолжаю милостиво улыбаться. Мастер сидит мрачнее тучи. Ему, видимо, довольно стыдно за простака-ученика, да еще и теперь я точно знаю, что ему пора идти. Ох, чувствую, парню влетит... Ладно, сейчас как-нибудь поправим ситуацию. — Как вовремя вы зашли, а то, я боюсь, я бы тут надолго задержала мастера разговором. Что ж, в таком случае мы с вами, мастер, увидимся в другой раз...

— Н-да, прошу прощения. — Он встает и угрюмо кланяется.

Паренек Бэр тоже порывается встать, но я останавливаю его жестом.

— Вы не возражаете, если я задержу вашего ученика ненадолго? Он ведь в курсе проблемы с портретом, правда?

— Безусловно, — слегка огорошенно отвечает мастер, потом зыркает на ученика и наконец очищает помещение от своей персоны.

Ну слава богу! Не знаю уж, что он подумал... хотя на самом деле знаю, только размышлять об этом не хочу. Они все думают одно и то же, что у такого человека, как Азамат, не может быть верной жены. Судя по всему, мальчишка не сильно отличается от своего учителя в этом отношении: сидит красный, как Азаматов свитер, тербит в пальцах край рукава.

— Говоришь, ты хороший ученик? — спрашиваю гораздо менее светским тоном. Если его удивить, есть шанс, что он перестанет ждать, что я его сейчас изнасилую.

— Да-а, — охотно отвечает он. — Мастер даже позволяет мне заканчивать его картины.

Я уже успела разобраться в здешних художественных правилах достаточно, чтобы знать, что это очень высокая оценка умений ученика. Значит, есть шанс, что он справится с моей задумкой. Теперь надо его немного заинтриговать...

— А хранить секреты ты умеешь? Только честно!

— Вы хотите доверить мне секрет? — спрашивает он шепотом, таращась на меня во все глаза. — Да я его под пыткой не выдам!

— Отлично, — усмехаюсь. — Тогда слушай. Я хочу поручить тебе одну очень ответственную работу. Если ты хорошо справишься, то получишь вознаграждение как самостоятельный художник.

— А если я не справлюсь? — в ужасе уточняет мальчишка. Ему лет шестнадцать, наверное.

— Ну, тогда придется мне искать кого-то другого, — пожимаю плечами. — Зато если справишься, то сразу станешь мастером, и тебе будут заказывать картины всякие богатые люди.

У парня глаза начинают сиять, как лазеры.

— И я смогу больше не работать у мастера Овыаса?

— Естественно. — Я заговорщицки улыбаюсь. — Ну что, берешься?

— Да! А что надо делать?

— Надо нарисовать портрет Императора, — развожу руками.

Парнишка моментально сникает.

— Но ведь никто не знает, как это сделать!

— Я знаю, — говорю. — И я тебя научу.

— Вы умеете рисовать? — изумляется он.

— Нет, но у меня есть идея. — Я подмигиваю, чем окончательно отшибаю впечатлительному мальчику дар речи.

Пока он ищет слова в своем образно-одаренном сознании, я беру бук и открываю в нем две папки с картинками. Одна — это отобранные специально для этой цели фотографии Азамата. Попытки объяснить мою идею мастеру Овыасу оканчивались ровно на этом месте: он категорически отказывался рисовать Императора с фотографии. Вторая папка — это просто картинки, накачанные из Сети, в основном иллюстрации к книгам.

— Вот смотри, — говорю, — что можно сделать.

Мальчик уходит от меня просветленный, с предвкушением в глазах, пообещав, что работа будет готова через три дня. Я же, натрудившись за день, прозаично заваливаюсь спать до вечера.

Вечером Азамат заходит за мной вместе с Тирбишем. Тот чем-то ужасно доволен.

— Ну что, — Азамат подхватывает мелкого уже привычным движением, — полетели домой?

— Давай, — говорю, поднимаясь с дивана.

— Тирбиша берем с собой, он готов приступить к обязанностям няньки, — усмехается Азамат, а Тирбиш расправляет плечи. Мы уже давно с ним об этом предварительно договорились, и Азамат, как всегда, хочет подоткнуть мне прислугу со всех сторон.

— Я как узнал, что Алэк родился, сразу собираться начал, — улыбается Тирбиш. — Капитан надолго не задержится, а вам ведь помощь нужна.

— Ну раз ты хочешь уже приступить, то пожалуйста, — пожимаю плечами. — Только вот с твоей помощью я совсем обленюсь. Ты ведь небось и готовить будешь, и прибираться, знаю я тебя.

— Можем составить расписание, — усмехается он.

Таких черных ночей я в своей жизни еще не видела. Огоньки Ахмадхота быстро скрываются за горами, а луны на небе ни одной, да еще и летим на восток: в столице сумерки, а на Доле-то уже ночь глухая. Глядя из окна кабины в густую черноту, я даже не могу с уверенностью сказать, что мы летим, а не стоим на месте. Азамат, конечно, включает во все лобовое стекло экран с инфракрасным изображением, да и маршрут этот мы оба знаем как свои пять пальцев, но все равно страшновато. Только на подлете к дому за окном появляется что-то светящееся — это габаритные огни нашей крыши.

В приморских горах летней ночью кипит такая бурная жизнь, что приходится закрывать окна в детской, чтобы ребенок не просыпался от каждого птичьего вопля, волчьего воя и прочих приятных звуков. Я и сама побаиваюсь, хотя Азамат говорит, что дикие звери в дом никак войти не смогут, да и не станут пытаться, потому что мы не держим скота, а летом в лесу все сытые. Однако мои котята шляются туда-сюда через форточки и подвал, как хотят. Они, конечно, маленькие, но кто знает, насколько опасны могут быть местные дикие звери того же размера.

Когда мы собираемся в кухне за ужином, котята берут нас на abordаж громовым мурчанием и требуют молока и масла, к

которым я их довольно быстро приучила. Получив лакомство, они переключают внимание на лампы, вокруг которых выются грозного вида муданжские ночные бабочки. Назвать эти авианосцы «мотыльками» у меня язык не поворачивается. Азамат встает на стул и, отцепив крючочки, спускает с потолка несколько веревок. Котята немедленно по ним взбираются и принимаются с хрустом уплетать шумных насекомых. Идея с веревками пришла Азамату в голову, когда ему надоело каждый вечер отбиваться от хищно настроенных кошек, которые пытались использовать его в качестве подъемника. Они, конечно, по-прежнему маленькие по сравнению с земными кошками, но все-таки не такие крошечные, как когда мы их только взяли, килограмм-то в каждом есть, если не полтора, и когти острые. Кстати, они все трое оказались котами. Назвала я их Электрон, Мюон и Тау, потому что маленькие, а для Азамата эти слова очень смешно звучат. У них на Муданге все термины из физики и химии названы по-муданжски.

На следующий день застенчивый Бойонбот привозит к нам Азаматову матушку. Это его синенький проворный унгуц доставлял мне раненых во время кампании. Я выхожу вместе с Азаматом на посадочную площадку встречать.

Кабина открывается, и становится видна матушка в новой вышитой косынке и сверкающем золотом диле. Она боязливо высовывается за борт, прикидывая расстояние до травы под брюшком унгуца — в отличие от нашего, который прямо на брюхо и приземляется, у этого есть ножки, так что получается довольно высоко прыгать.

Азамат приходит на выручку: подцепляет матушку из кабины и ставит на землю, придерживая, пока она не обретет равновесие.

— Ма! Наконец-то ты к нам выбралась!

— О-ой, ну ты и доми-ище отгрохал! — протягивает матушка вместо приветствия. — Вот Арават-то не видел, а то б бороду свою от зависти съел! Ну дела-а...

Бойонбот тем временем спрыгивает на землю и обходит унгуц.

— Здравствуйте, Ахмад-хон! Вот, доставил в целости. Куда вещи выгружать? Ой, Хотон-хон! — Он мгновенно краснеет. — Здравствуйте, простите, не заметил вас сначала...

— А, Лиза, и правда! — Матушка наконец отвлекается от созерцания дома. — Тебе ходить-то не рано?

— Вещи в дом, вон тележка для этого. — Азамат кивает на вход природной пещеры, где у нас импровизированный са-рай.

— Ничего, хожу понемногу, — говорю. — Ребенок небольшой, никаких проблем не было, так чего разлеживаться?

— Ой, как я хочу на него посмотреть! — Матушка аж щурится от предвкушения. — Няньку-то взяли?

Забавно, что слово «няня» в мударжском мужского рода, а если попытаться сделать из него женский, то получится слово «кормилица», но это совсем не то же самое. Кормилицы на Муданге — явление редкое, потому что у незамужних женщин обычно нет детей, а замужние не подрабатывают, тем более если у них собственные грудные дети. Так что услуги женщины-кормилицы стоят раз в двадцать больше, чем услуги мужчины-няньки.

— Взяли, взяли, — заверяет Азамат. — Пойдем, всех сама увидишь. Тебе не жарко в диле-то, ма? Лето на дворе, даже у вас на севере не те погоды, чтобы так кутаться.

— А у меня ничего нарядней нет, — разводит руками матушка. — Да нормально, потерплю, жара не холод.

— Для кого наряжаться-то? — не отстает Азамат. — Тут нет никого, только мы, кошки и зверье в лесу.

— Ну так что ж я, к Императору домой в чем попало пойду? — возмущается матушка. — Сам-то в шелках!

Азамат качает головой.

— Ладно, я потрясен красотой твоего наряда. Сейчас придем, переоденешься.

— Вот правильно, я тебе всегда говорила: начинай с комплиментов.

Мы с Бойнботом ржем в кулаки, он при этом ярко-розовый.

Ребенок у нас проветривается на террасе по другую сторону дома, так что Азамат сначала проводит матушку с обзорной экскурсией по дому, неприкрыто хвастаясь, какое у него тут техническое и эстетическое совершенство. Похоже, матушка — единственный человек, с которым он не скромничает. Она, в свою очередь, так ахает и восторгается, что забывает, зачем приехала. Я решаю, что не надо им мешать и загоняю Бойнбота на кухню.

— Как твое зрение? — спрашиваю.

— Ой. — Он опять розовеет. — Вы еще помните... Вообще все это время хорошо было, но в последние несколько дней стало похуже. Не знаю, может, я слишком много в экран смотрю...

— Да нет, просто уже срок истек у линз. Надо или менять, или оперировать. Ты на Гарнет не собираешься в ближайшее время?

— Собираюсь, а как же! Я ведь вместе с Алтонгирелом прилетел, мы опять на одном корабле работаем. А завтра улетим снова.

— Тогда давай я тебе направление напишу и контакты клиники дам, а ты там возьми отпуск и подлечись. А то если сейчас новые линзы приклеить, еще полгода ждать придется, пока растворятся.

Пока я вожусь с распечатыванием, Бойонбот глазеет по сторонам, щурясь, чтобы рассмотреть всякие красоты Азаматовой работы.

— Ой, что это? — внезапно дергается он.

— Где?

— Как будто зверек какой-то промелькнул, вон там, под столом.

— У меня три кошки.

— Рыжих?

— Нет, черных...

Я заглядываю за стол, но ничего там не нахожу. Ползать на четвереньках под мебелью я пока не готова.

— Ладно, — отмахиваюсь. — Как забежало, так и выбежит.

Отдаю ему бумажки и двигаюсь на террасу.

— Чего-то вы долго гостей встречаете. — Тирбиш скучает на перилах по соседству с кроваткой, в которой детеныш спит без задних ног.

— Азамат повел матушку дом показывать, а он большой, — говорю. — Ты тут никаких зверей не впускал?

— Не-ет, — удивляется Тирбиш. — А что, завелись?

— Да вон Бойонботу кто-то под столом примерещился.

Бойонбот сконфуженно пятится и натывается на дверь, которую как раз открывает Азамат с той стороны.

— Ну вот, ма, — тоном экскурсовода говорит он, — а тут у нас терраса, все тут и собрались.

— Ой красота-а... — вздыхает матушка, окидывая взглядом

наш шикарный вид на Дол. — Вот это дворец, я понимаю... Ой, Лиза, а какой у тебя там гобелен висит! Вроде и сделан просто, а такой выразительный! И не побоялась самого Ирлик-хона выткать.

Я хихикаю.

— Так это я за успех кампании старалась... Мне сказали, надо Ирлика делать. Я, правда, до победы только половину соткала, остальное потом, времени-то не было совсем.

— Небось первый твой гобелен? — Матушка качает головой.

— Второй, первый с рыбками в детской висит.

— Ой, я и не заметила, у вас эта детская так завалена барахлом...

— Ты на малыша-то посмотреть не хочешь? — перебивает ее Азамат. Видимо, боится, что сейчас нам станут читать нотации.

— Хочу, хочу! А где?

Азамат мягко подталкивает матушку к кровати, а дальше все тонет в возгласах восхищения, таких сладких, что мне хочется принять инсулина. М-да, бабушка из нее вышла качественная. Бойонбот и Тирбиш сходят с террасы в сторонку, чтобы не вмешиваться в наши семейные дела.

— Сама кормишь? — строго спрашивает у меня Ийзих-хон.

— Конечно, — серьезно киваю я.

— Правильно, хорошо, — одобряет она. — Я вот тоже сама кормила, вон какой здоровый вымахал! — Она похлопывает Азамата по спине. Он ужасно доволен.

После, так сказать, смотрин мы усаживаемся пить чай, и матушка все заглядывается на бескрайнюю гладь Дола.

— Рыбки бы тут половить... — мечтательно вздыхает она.

— Легко, — кивает Азамат. — Лодка есть, снасти тоже, можем завтра утром выбраться.

— Правда, что ль? — удивляется матушка. Потом шурит-ся. — А прикормить?

Азамат смеется.

— Ты просто очень хочешь в лодке по Долу покататься. Ладно, сейчас устроим. Только переоденься, ради богов!

Матушка даже не спорит. Я показываю ей комнату, в которой она будет спать, и через пять минут она выходит в плотных широких домотканых женских штанах и кожаном жилете с грубыми металлическими заклепками.

— Ну я собралась! — бодро сообщает она. — Где у тебя лодка?

— Сейчас все будет, — усмехается Азамат, которому тоже надо переодеться во что попроще.

Ему, как и ожидалось, надарили тонну подарков, и поток все не иссякает, так что он теперь на людях исключительно в дареной одежде ходит, да и камней на нем болтается, как на Ирлике, по крайней мере на работе. Самое забавное — это серьги. Уши у Азамата не проколоты (на Муданге этого вообще не делают), а серьги вешаются на дужки вокруг уха, как очки. Первые месяца два Азамат стонал и выл, что отвык носить украшения, уши у него чешутся, пальцы от колец не гнутся и шея устает, не говоря уж о том, что выглядит он смешно в таком наряде. Но ничего, довольно быстро привык обратно. В молодости-то он любил приодеться.

Еще мне пришлось выдержать небольшую стычку с Советом Старейшин из-за Аравата. Он написал Старейшине Асундулу, что отменяет отречение, так что Азамат теперь официально считается его сыном. Сам Азамат по этому поводу предпочитает молчать и сохранять отсутствующее выражение лица. А я исхожу ядом — хорошо устроился старый гриб, как сын Императором стал, так конечно, признал мгновенно! Я даже не поехала его осматривать повторно, Янку послала, а то ненароком отравлю.

Но это все Совета не касается, только нашего духовника немного, а он обязан сохранять тайну исповеди и не может сообщить на Совете, что сын и отец, мягко говоря, не в лучших отношениях. Правда, по-моему, это и так должно быть понятно, но... Муданг... В общем, Совет намекнул Азамату, что раз у него теперь снова есть отец, то нехреново бы постричься. Азамат, как всегда, промолчал, но мне почудилось, что он колеблется. Я побегала по потолку, покудахтала, подняла Унгуца посреди ночи и принялась его пытаться, как можно избежать экзекуции. Он два дня просидел в архиве, пока я бдительно караулила Азамата, чтобы не дай боги не поддался на провокацию. Наконец Унгуц возник на пороге Дома Старейшин, покрытый библиотечной пылью, и, чихая, объявил, что до сих пор Императорами Муданга становились исключительно старшие мужчины в семье и, соответственно, волос никогда не стригли. А если стричь, то встает вопрос, куда девать остриженное, так чтобы никакой злоумышленник ни одного

волоска не спер, а то ведь по волосу порчу навести — нечего делать. К тому же следует прибавить, что существуют гимны, восхваляющие Императора, где его именуют «Старший Отец Народа», так что хотя бы поэтому знак старшинства следует оставить. Унгуц приводил еще какие-то веские мифологические доводы, которые я не совсем поняла, но в итоге Совет единогласно принял решение оставить все как есть.

Я слегка задумываюсь о вечном, когда чувствую, что меня сажу кто-то трогает за волосы. Оказывается, это матушка.

— Забавные у тебя кудряшки, — улыбается она, поглаживая меня по загривку. — Какое счастье Азамату перепало все-таки!

— Да он сам счастье, — пожимаю плечами.

Счастье является нам в камуфляже и кликает парней: Тирбиша на службу, а Бойонбота помогать с лодкой. Азамат, как и обещал, сделал рядом с лестницей к воде эскалатор, так что я тоже с ними спускаюсь ручкой помахать. Плавать меня совершенно не тянет. Азамат вытягивает лодку из пещеры-сарая при помощи сложной веревочной конструкции и, пока Бойонбот ее придерживает, погружает туда матушку.

— Я и сама могу на борт-то шагнуть!

— Знаю, но так ведь быстрее. — Азамат подмигивает.

Потом они с Бойонботом тоже грузятся в лодку и не торопясь отчаливают. Я, как и собиралась, машу вслед и поднимаюсь на эскалаторе обратно к террасе.

Там меня встречает немного растерянный Тирбиш.

— Тут какой-то горец заходил, вас спрашивал, вот только что!

— Какой еще горец? — моргаю. Я не знаю никаких горцев.

— Молодой такой парень... Да вот только что за угол свернул! Сейчас я его окликну.

Тирбиш срывается с места, обегает террасу и дом, что-то кричит. Тишина. Он кричит еще раз. Потом возвращается.

— Не знаю, куда делся. Вот только-только вы отошли, тут он приходит. Паренок меня младше, наверное. Красивый такой, для горца даже странно.

— А как ты определил, что он горец?

— Ну как же, у него волосы такие... — Тирбиш прищелкивает пальцами, подыскивая слово. — Ну как ржавые. И на лице пятнышки мелкие. Такие только у северных горцев бывают.

— Рыжий, что ли? — уточняю. Никогда не видела рыжих муданжцев.

— Можно и так сказать, — кивает Тирбиш. Видимо, у них в языке нет специального слова для обозначения этого цвета волос. Неудивительно, впрочем, если все одинаковые... ну или почти все. — А вы точно никого такого не знаете?

— Точно, — категорически киваю я. — Я бы запомнила.

— Странно, он вел себя так, как будто вы хорошо знакомы.

— То есть?!

— Ну попросил с завтрашнего улова на его долю тоже рыбки приготовить.

Я хлопаю глазами так громко, что птицы на соседних деревьях затыкаются.

— Рыбки?.. А откуда он мог узнать, что они на рыбалку собрались?

— Вот и я удивился, — пожимает плечами Тирбиш.

Я нервно проверяю, все ли в порядке с ребенком. Он сопит и чихать хотел на галлюцинации под столом вместе с загадочными горцами.

— К Алэку он не подходил, — авторитетно заверяет Тирбиш. — Даже на террасу не поднимался, только подошел, вон там стоял.

Не то чтобы мне было сильно интересно, где он стоял, но я все-таки подхожу поглядеть. Солнце перевалило за полдень, и на этой стороне террасы сейчас локальный ад, тени никакой, только на перилах чуть-чуть, и то непонятно, что ее отбрасывает.

Я застываю. С усилием закрываю рот, пожимаю плечами и отхожу от перил по возможности с беспечным видом.

— Ну, если он завтра придет за своей рыбой, тогда и разберемся.

Я не знаю, как Тирбиш отреагирует на визит Ирлика.

Наши рыбаки возвращаются очень довольные. Матушка у нас большой фанат водных пространств, если завтра рыбалка хорошо пройдет, глядишь, и правда к нам переселится. Ребенок как раз проснулся, напился и потребовал общения, и матушка тут же откликнулась на призыв. Нет, мне серьезно кажется, что я могу не принимать никакого участия во возвращении этого дитяти.

А пока пользуюсь случаем и отвожу супруга в сторонку.

— Слушай, Азамат, тут походу Ирлик в гости заходил.

— Когда? — хмурится он.

— Да вот пока я вас провожала. Сказал Тирбишу, чтобы на его долю рыбы наготовили.

— И Тирбиш не окоचурился и не стал зайкой? — Азамат поднимает бровь. — Он, конечно, спокойный парень, но вот так невозмутимо поговорить с богом...

— А он не понял, кто это был. Он мне его описал, а потом я тень заметила.

— Что, хочешь сказать, Ирлик-хона можно *не узнать*? — Азамат щурится в неверии.

— Можно, — киваю. — Помнишь, я рассказывала, как он совсем человекоподобную форму принял? Тирбиш сказал, мол, горец какой-то заходил, рыжий. Ну а кто может с такой просьбой к нам тут зайти, спросить меня, а потом исчезнуть на ровном месте? Тем более Бойонбот утром в кухне видел какого-то рыжего зверька.

— М-да-а. — Азамат чешет подбородок. — Вообще, логично. Ирлик-хон ведь огненный бог, он воды боится, так что рыбу сам поймать не может. Ну ладно, угостим его, это не штука. Я, правда, думал попросить тебя сделать такие смешные рулетики, как ты делала пару месяцев назад, но на столько народу это долго, наверно...

— А я вас всех научу, вместе будем крутить, получится быстро, — предлагаю я. — Только ты рыбу раздели, хорошо? А то я все еще нервничаю, когда ее вижу. Я, конечно, работаю над собой, но...

— Разделаю и закопчу, не беспокойся.

— Ну тогда все отлично, — улыбаюсь.

— Надо будет только немного в доме прибраться. — Азамат оглядывает валяющиеся ровным слоем по террасе детские вещи.

— Азамат-хян! — окликает его матушка. — Пойдем, куда вы там мои сумки отнесли, я же тебе сорочек нашила!

ГЛАВА 3

Наши мореплаватели привезли море рыбы. Уж казалось бы, живу тут почти год, а все никак не привыкну к мударжским масштабам. Дома мы с друзьями иногда выбирались на

какую-нибудь соседнюю планету-питомник, где можно довольно дешево порыбачить, но то, что мы там вылавливали даже в самые удачные дни, не идет ни в какое сравнение с мударжским изобилием. И это Азамат с матушкой на удочки ловили, потому что сетью получают сразу промышленные количества.

Азамат оттаскивает трепещущие мешки за скальный выступ, где у нас оборудован уличный очаг, чтобы не чадить в доме всякими дымными блюдами. Матушка, едва перекусив, семенит следом, закатывая рукава, а Тирбиш провожает ее таким взглядом, что я его тоже отпускаю поюзаться с рыбой. Один Бойонбот сразу после рыбалки заваливается спать. Он сегодня поздно вечером улетает в космос вместе с Алтонгирелом, а ночью ему поспать не удалось, шакалий вой мешал и вообще всякие жуткие звуки из леса. У нас с Азаматом и у Тирбиша окна на Дол, матушка ко всяким ночным звукам привыкла в своей деревне, а Бойонбот родился на Броге и большую часть жизни провел не на Муданге, так что звуки дикой природы на него действуют устрашающе.

Когда рыба готова, мы садимся всем миром крутить роллы. Матушка сначала ворчит, мол, баловство это, готовую еду в рулоны скручивать, а с едой, мол, негоже баловаться, но процесс настолько затягивает, что вскоре ее уже ничто не смущает.

— Наверное, хватит уже, — неохотно говорит Тирбиш. — Мы столько не съедим.

— А нас еще на одного больше будет, — невозмутимо сообщает Азамат.

— Это кто ж пожалует? — удивляется матушка. — Вы что тут, всю округу со своего стола кормите?

— Да нет, это один хороший знакомый. — Азамат лукаво на меня поглядывает, я киваю. — Он вчера заходил, только Тирбиша застал.

— А, этот горец! — восклицает Тирбиш. — Так вы его все-таки знаете?

— Да, знаем, — подтверждаю. — Просто вчера по твоему описанию не поняла, а потом догадалась.

— А кто он такой? — с любопытством спрашивает Тирбиш.

— Странствующий охотник, — не моргнув глазом врет Азамат. Хотя кто знает этого Ирлика, может, это и правда. — Он участвовал в последней войне, сильно помог в одном хит-

ром деле... — Азамат неопределенно машет рукой, якобы не хочет ворошить едва забытые военные переживания. — В общем, я ему лично весьма благодарен, так что у моего стола ему всегда есть место.

Мне мерещится какой-то смешной звук, как будто мышь чихнула.

— Ну ладно, — разрешает матушка. — Раз ты у него в долгу, то конечно, но вообще-то лучше бы ты гостей у себя в столице принимал. А то что за дело — тут ребенок маленький, жена еще от родов не отошла, и вдруг каких-то посторонних мужиков в дом пускать!

Я открываю рот сказать, что этот конкретный мужик нашего ребенка внутриутробно благословить успел, не говоря уже о прочем, но боюсь, что тогда Тирбиш догадается, о ком речь.

— Ты, ма, не волнуйся. — Азамат передает ей очередную «колбаску» для нарезания. — У меня есть пара идей, кого пускать к ребенку, а кого нет. Уж позволь мне в собственном доме решать. И гостя моего не обижай. — Он легонько постукивает кулаком по столу, усмехаясь.

Матушка тоже прыскает.

— Ладно уж, ладно тебе, знаю, что сам с головой. Ишь как за поводиья взялся! — добавляет она, подмигивая мне. — Тебя-то еще не загонял?

— Меня загоняешь, — фыркаю я.

— Да уж, и то правда, — благодушно соглашается матушка.

— Хотон-хон, а что это за штука, в которую мы все заворачиваем? — переводит тему Тирбиш.

— Не поверишь, водоросли, — хмыкаю я.

На последнем месяце беременности я вдруг страшно соскучилась по сушеной морской капусте, которую имею привычку грызть, как чипсы, и послала родственникам запрос. Сашка, которому вусмерть надоело все время мне что-нибудь посылать, закупил сразу кубометр, благо продукт не портится. Можно подумать, я ему отсюда не шлю вкусностей, не говоря уж об изготовленных вручную драгоценностях, подарках из кожи и дерева для детей и коллег и даже национальной одежде. Удивительное совпадение, что именно в этом году на Земле мода на шмотки а-ля этническая одежда народов расселения. Так что Сашка теперь щеголяет на работе бирюзовыми, синими и алыми шелковыми рубашками с вышивкой,

аутентичнее некуда. На Муданге всякая мастерица считает своим долгом сшить что-нибудь Императору хотя бы раз в год, но не у всех есть представление о габаритах этого самого Императора, так что куча одежды оседает на родных и близких. Интересно, кстати, как там у мальчика-художника портрет продвигается. Надеюсь, он хорошо понял идею.

Мы закончили крутить, когда кончился вареный рис, и это кое-что говорит о масштабах бедствия. На Муданге принято всем есть на кухне, а не уносить в комнату, так что ничего перекладывать и сервировать не надо, только стол протереть немного. Я так понимаю, это связано с тем, что гости предпочитают видеть, как еда готовится, — и для безопасности, и рецепт записать.

Как раз когда я начинаю думать, переходить нам к поглощению сразу или все-таки дождаться Ирлика, раздается звонок в дверь. Азамат идет открывать, изо всех сил стараясь не спешить. На вид-то он совершенно спокоен, но думаю, что в душе все-таки немного нервничает. Я слышу обмен приветствиями в прихожей, хотя сквозь стену голоса звучат глухо и неразборчиво, а потом на пороге кухни появляется Ирлик собственной персоной.

К счастью, он выглядит по-человечески, а не, кхм, по-божески. Морковно-рыжие волосы в несколько кос заплел, нарядился в изумрудно-зеленую рубашку с золотой вышивкой и мшистого цвета штаны, заправленные в сапоги-чулки; за спиной небольшая котомка. Что ж, и правда похож на охотника в базарный день.

— Рад всех видеть! — весело сообщает он, улыбаясь белоснежными зубами с легким металлическим отблеском. — Меня Змееловом кличут, извольте новому человеку плошку поставить!

Плошка ему, впрочем, уже стоит. Тирбиш хихикает и приветствует, называясь настоящим именем. Он, кажется, единственный из моих муданжских знакомых не держит имени в секрете, хотя если учесть, что оно значит «не тот»... видимо, с ним и так ничего не сделаешь.

— Ишь ты как выражается диковинно, — смеется матушка, восседающая во главе стола, — прям как наш Старейшина.

— Это вот моя мать. — Азамат тут же ее представляет.

— Великая женщина. — Ирлик легко кланяется. — Вся планета вам благодарна за такого сына!

— Да ладно, уж ты скажешь. — Матушка отмахивается, розовея. — Я-то что! Он сам с головой, да...

Ирлик приземляется рядом с Азаматом напротив меня.

— Здравствуй и ты, Хотон-хон, — лукаво говорит он, подмигивая мне.

— Здравствуйте, — улыбаюсь. Мне несколько неловко — в прошлый раз я с ним была на «ты» и вообще держалась по-хамски. Конечно, он сам виноват, но продолжать в том же духе я не хочу, а возвращаться к вежливому обращению тоже странно.

— Азамат, я впал в немилость у твоей супруги, — тут же обиженно заявляет Ирлик, повернувшись к Азамату всем корпусом. — Она мне выкает!

— Она просто сегодня вежливо настроена, — улыбается Азамат.

— Ну что, может, приступим? — предлагаю я, снимая крышку с гигантского блюда, выложенного роллами, как мозаикой.

Ирлик тут же забывает все обиды и набрасывается на угощение. Матушка сдвигает брови, но удерживается от замечаний, и скоро мы все дружно чавкаем. Оказывается, все были ужасно голодные. Минут через пять нашей трапезы является заспанный Бойонбот.

— Ой, а что это вы такое едите? — интересуется он, потом замечает Ирлика. — Ой, здравствуйте, извините... — Он стремительно краснеет.

— Привет! — Ирлик машет ему роллом. — Мы едим нечто настолько потрясающее, что не успеваем рта раскрыть, чтобы похвалить хозяйку! Так что советую тебе поторопиться!

— Спасибо. — Бойонбот неловко присаживается рядом с Тирбишем, который сразу начинает объяснять, что куда макать, и как есть, и что там внутри.

— Мм, как же я давно не едал рыбки, — сладострастно протягивает Ирлик. — Хотон-хон, ты волшебница.

— Чего ж раньше не заходил? — пожимаю плечами. — Мы рыбу часто делаем.

— Не мог! — восклицает он, воздевая перепачканные руки к потолку. — Дел было по брови, хозяйство восстанавливал после этих... — Он косится на матушку и отмахивается. — А, ладно, если я их правильным именем назову, ваша старейшая дама, — он комично кланяется, — меня из-за стола погонит.